

ИВАН ШАМЯКИН

ОН БЫЛ
ПЕРВЫМ
РЕДАКТОРОМ
НАШЕГО
ЖУРНАЛА.

30 ЯНВАРЯ — 105 ЛЕТ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
НАРОДНОГО ПИСАТЕЛЯ
БЕЛАРУСИ ИВАНА ШАМЯКИНА.

«ЗАНЯТИЕ НЕ ТОЛЬКО ЛИТЕРАТУРНЫМ ТВОРЧЕСТВОМ, НО И УВЛЕЧЕНИЕ ДРУГИМИ ВИДАМИ ИСКУССТВА ЧРЕЗВЫЧАЙНО ОБОГАЩАЕТ ДУХОВНЫЙ МИР ЛЮБОГО ПИСАТЕЛЯ. В ЭТОМ СМЫСЛЕ ИВАН ШАМЯКИН — ЯРКИЙ ПРИМЕР. ОН И САМ ИНТЕРЕСОВАЛСЯ РАЗНЫМИ ВИДАМИ ИСКУССТВА, И СВОИХ ГЕРОЕВ НЕ РАЗ ДЕЛАЛ ЛЮДЬМИ, ИМЕЮЩИМИ ОТНОШЕНИЕ К ИСКУССТВУ. ВОЗМОЖНО, ЕЩЕ И ПОЭТОМУ ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ НА ПРОТЯЖЕНИИ БОЛЕЕ ПОЛУВЕКА ПОЛЬЗОВАЛИСЬ ТАКОЙ ОГРОМНОЙ ПОПУЛЯРНОСТЬЮ У ЧИТАТЕЛЯ».

ТАТЬЯНА ШАМЯКИНА

«МАСТАЦКАЯ ЛІТАРАТУРА»

ВЯЛІКАЯ КНІГА ЗАГАДАК «СЯДЗЯЦЬ ПАНЕНКІ Ў ЧЫРВОНЫХ СУКЕНКАХ»

В книге собраны фольклорные и авторские загадки, которые развивают фантазию, сообразительность и помогают больше узнать об окружающем мире. Разделы сборника предлагают загадки о растениях, животных, человеке, а еще задачи, шарады, метаграммы, анаграммы.

ТАЦЦЯНА ЗАБАЎСКАЯ «КАЗКІ СТАРОГА МІНСКА»

Книга «Казкі старога Мінска» — это истории о людях из красивого и загадочного города Минска. Автор показывает читателям, какими разными бывают семьи, рассуждает о жизненных ценностях. А еще рассказывает про столичные достопримечательности — Главпочтампт, Комаровский рынок, Ворота Минска, фонтан «Мальчик с лебедем» и другие. Книга подходит для семейного чтения.

В Ы Д А В Е Ц Т В А

«МАСТАЦКАЯ ЛІТАРАТУРА»

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия и проза

4

НАУМ ГАЛЬПЕРОВИЧ.

Памяти снежный полет.
*Стихи. Перевод
с белорусского
Михаила Кулеша*

8

**ТАМАРА КРАСНОВА-
ГУСАЧЕНКО.**

Новогодняя ночь,
или Повесть о первой
любви. *Повесть*

34

ЕЛИЗАВЕТА ПОЛЕЕС.

Белый снег.
Стихи

39

ВИТАЛИЙ КИРПИЧЕНКО.

На родине.
Повесть

54

КОНСТАНТИН НИЛОВ.

Прогресс и книжный
мир. *Оптимистическая
баллада*

57

МИХАСЬ СЛИВА.

Ты мне приснилась...
*Рассказ. Перевод
с белорусского автора*

Наум Гальперович

ПАМЯТИ СНЕЖНЫЙ ПОЛЕТ

Мне так всегда понять хотелось
Птиц и деревьев разговор,
Садов таинственную зрелость
И спелых хлебных нив простор.

О чем шептали мне у речки
В июльской утренней тиши
Пушистых облаков овечки,
Да у затона камыши.

Мне открывалась тайна снова
Разгадкой всех земных начал.
И чудом возникало слово,
Которое в душе искал.

Помолчим за чаем...
(из ранней лирики)

Посидим с тобой за чаем.
Помолчим о том о сем.
Праздник мы с тобой встречаем,
Праздник наш, где мы вдвоем.

Пусть горят, мерцая, свечи
И темнеет небосклон.
Помолчим — ведь этот вечер
Нам судьбой определен.

Тамара Краснова- Гусаченко

**НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ,
ИЛИ ПОВЕСТЬ
О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ**

ПРОЗА

Ослепительно-белый «Мерседес», разрезая плотную мякоть снежной ночи мощными фарами, двигался по кольцу автомобильной трассы, объезжая большой, сверкающий огнями город... Снег летел навстречу пеленой, он падал хлопьями на стекло, тут же сползал и таял, и это было удивительно красиво.

Вокруг дороги стеной стояли заснеженные ели, покрытые уже шапками снега, сказочно-волшебные, словно одетые в белые соболиные меха. Они летели навстречу и, восхищенные обильным снегопадом, на мгновение вырванные из тьмы светом, улетали в ночь, оставаясь там, где им и положено было: в зимнем лесу, в пышных сугробах, в эту снежную предновогоднюю ночь местами насыпанных чуть ли не до самых еловых верхушек.

Алина и Юра спешили. С выездом припозднились, а так хотелось успеть домой к новогоднему столу, чтобы встретить праздник вместе с детьми или хотя бы с дочерью... Сыновья-то уже наверняка уехали со своими друзьями в долину Куршевель на горнолыжное сафари, как они обычно несколько лет уже делали на большие новогодние каникулы.

А дочь Аленька, конечно, ждала родителей, готовилась. Да и мать с отцом накупили всяких разных вкусностей, подарков, отметили проводы уходящего года вместе с сестрами в родном доме, у мамы, по семейной традиции собирающей их на большие праздники. Алина и Юра прямо из-за праздничного стола, вспомнив добрыми словами все, что было, даже не переодеваясь, помчались дальше, в новогоднюю ночь, в путь, домой...

Если бы она знала, если бы только могла знать, что навсегда уезжает из родного дома, из своей родненькой, такой маленькой, такой затерянной среди лугов и полей, лесов и садов, речушек и ручейков, песен и счастья, такой уютной и самой прекрасной на белом свете деревни!

Деревни, где открывались, являлись ей первые красоты мира, первые прекрасные звуки — само цветение жизни, которые формировали сознание и отпечатывались в памяти...

Елизавета Полеес

БЕЛЫЙ СНЕГ

Как приходит вдохновение?
Где берет для вздоха пищу?
Это — труд? полет? терпение?
Победит ли тот, кто ищет?

Как найти его — под деревом?
Иль в кустах цветущей розы?
Как оно приходит? С верою?
В зной приходит иль в морозы?

Как оно рождает истину?
Сердцем говорит? Словами?
И считается ли с мыслями?
Чьими говорит устами?

Как ему, такому сложному,
Без объема и без веса,
В это времечко тревожное
В чьих-то спорить интересах?

Как оно приходит? С лирою?
Чьей невидимую тенью?
Как с ним плоть, убого-сирая,
Говорит со всей вселенной?

Как оно дается? Праздником,
Делая нам будни пиром?
Как с ним жизнь, такая разная,
Вдруг становится надмирной?

Виталий Кирпиченко

НА РОДИНЕ

Повесть

Гонорар получен такой, что и не снилось. На неокрепшие мозги свалилась задача: куда же его приспособить? Чтоб красиво и выгодно было!

«В Париж, что ли, смотаться? — размышлял Владислав. — Посидеть там в кафе за столиком Хемингуэя, отдать дань на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа Ивану Бунину, коллеге по ремеслу, человеку, потерявшему Родину. Правильно ли так говорить? Кто кого потерял? Может быть, Родина, Россия, его потеряла и он, истинный сын ее, частица ее, не до конца отдал ей свой долг? А сам он не терял Родины, он до конца дней своих жил с думами о России. Страдал и думал о России.

Может быть, прокатиться до Америки, этой технически продвинутой страны? Убедиться, такие ли уж они тупые, как нам преподносят наши юмористы с их бородатыми байками? Думаю, что не так.

Наведаться в монархическую чопорную Англию? Потолкаться среди молчаливых, полных спеси и достоинства лордов и прочих господ в котелках...

В Японию, к гейшам? Узнать, так ли они хороши и соблазнительны? Купить там по дешевке десятка два мобил, загнать их подороже на любимой Родине, у которой всегда что-то в дефиците, и оправдать дорожку с гейшами вкуче.

В Африку? Снега Килиманджаро! Тот же Хемингуэй, только с ружьем и в палатке! Сафари называется! Тропические насекомые, злые как собаки, сутулые грифы на сухих деревьях, выжидающие смерть...

В Австралию? К страшным аборигенам в перьях, с луками и каменными копьями? К зубастым аллигаторам?

На острова Южного Креста? А потом выдать что-либо в жанре фэнтези? Любовь с гаитянской, разумеется, юной и прелестной, как утренний лепесток розы!

Как много в мире интересного и непознанного!

А может быть, просто рвануть в нашу глубинку, на родину предков, так сказать, в холодную, но родную Сибирь, где зарыта и моя пуповина, где прошло босоногое детство... Там мои школьные друзья, там соседи Маркусы, Дороховы, Сергеевы... Покрасуюсь перед ними, пусть знают, кем стал тот босоногий соседский мальчишка, и не слепой волею судьбы, а в результате упорного труда стал он таким...

Константин Нилов

ПРОГРЕСС И КНИЖНЫЙ МИР

Оптимистическая
баллада

1.

Земля моя — прекрасная планета,
В сиянии роскошного рассвета,
В заката ожерельях, красках лета,
В алмазном блеске снежных вечных гор,
Лазурь небес и синь лесных озер.

2.

Любимая, прекрасная планета
Сегодня в паутине интернета...
И может, то — восьмое чудо света
Или Прогресса нынешнее кредо.

И он, как тот китайский шелкопряд,
Из кокона распутав свою нить,
Чтобы планету нашу изумить,
Нам дарит свой изысканный наряд.

3.

Прогресс спешит, все на пути сминая, —
Рассыпаны столетия поленницы, —
Оставив позади речные мельницы,
И кузнецы окольные, и медницы.

Колеса, стекла, гвозди — его пленники.
И даже царская карета золотая.

Михась Слива

ТЫ МНЕ ПРИСНИЛАСЬ...

Рассказ

Хай сняцца сны. А добрыя
збываюцца...

Микола Шабович

Нашто ўспамінаць,
што не вернеш
часоваю гожасцю дзён?

Ли Цинчжао

*(Перевод с китайского
Юлии Алейченко)*

ПРОЗА

I

Иван проснулся среди ночи с криком. Приснилась Галя. Ее во сне он не видел, но услышал нежно-мягкий девичий голос, настойчиво звавший: «Ваня, Ванечка!..»

У Ивана зашумело в голове, заколотилось сердце. «Видно, вышла замуж, — поплыли мысли. — И как раз сегодня она стала кому-то женой, и в самый волнующий момент вспомнила обо мне. Возможно, я ошибаюсь, однако хочется так думать. Почему же до этого времени (а прошло уже более двух лет) она никогда не снилась? Я же ее первая любовь, потому и не удивительно, что она вспомнила обо мне в эту ночь...»

Дальше спать Иван уже не мог. Взял сигареты и тихонько вышел на балкон, чтобы не беспокоить жену и маленького сына.

Был конец апреля, на улице потеплело, поэтому он не одевался. К тому же бросило в жар от воспоминаний...

Познакомились они на танцах в лесопарке в Заводском районе. Чудесная майская погода благоприятствовала отличному отдыху молодежи. А сюда съезжались парни и девушки со всего Минска. Больше, правда, было иногородних рабочих, которые жили в заводских общежитиях. Целыми компаниями молодые люди проводили здесь досуг.

Раиса Боровикова

ОН УМЕЛ ДАРИТЬ РАДОСТЬ

Был теплый летний день 1997 года. Позвонил Миша Пташук, сказал, что он только-только вернулся из Ташкента, с кинофестиваля, где познакомился с кинорежиссером из Бомбея: мол, у него там своя киностудия и он что-то такое почти предложил... А конкретно — попробовать сделать совместный индийско-белорусский художественный фильм. Хотелось бы о любви, что-то в стиле «Ромео и Джульетты».

— Давай попробуем написать сценарий вместе, — предложил Миша. — Почему бы и нет? Рискнем. Я уже из Шекспира и эпитаф подобрали к фильму: «Таких страстей конец бывает страшен, // И смерть их ждет в разгаре торжества».

Я невольно рассмеялась:

— Миша... Миша... Какие страсти?! Какая Джульетта и какой Ромео?! Мне уже пятьдесят, а тебе пятьдесят четыре! Нет, я не смогу представить себя Джульеттой, а ко всему, я же работаю. Каждый день в редакции!

И все же он меня уговорил. У него это как-то очень легко получилось, как будто он уже видел этот двухсерийный фильм на экране и теперь убеждал: «Ну, чего ты боишься?! Ты же написала «Барбару Радзівіл», и спектакль прекрасный получился! И мастерскую сценарную закончила при «Беларусьфильме», которой руководил Григорьев¹. Все мы напишем, не дрейфь, Боровикова!»

И мы действительно написали. Я взяла отпуск за свой счет в журнале «Работніца і сялянка» (теперь «Алеся»), где тогда трудилась. У моего мужа

Раиса Боровикова и Михаил Пташук. 1995 г.

¹ Евгений Григорьев — известный советский и российский сценарист. Автор сценариев «Романс о влюбленных», «Горячий снег» и др.

Сергея тоже был отпуск. Он работал в БГУИРе, заведовал научной лабораторией. Летом в университетах, как правило, отпуска. И это было очень кстати. Потому что пока мы с Мишей работали, Сергей заваривал кофе, жарил нам яичницу с помидорами. Миша приезжал рано. В девять утра уже был у нас. Мы в первый день отработали сюжет, а потом писали посценно.

Миша был удивительный! Излучал какую-то невероятную энергию! С ним было очень легко, светло и надежно. Казалось, что в его присутствии расширяется пространство... Случалось, придумывали какую-то очередную сцену, и он сразу же начинал ее играть, показывая, как это должно быть в тексте, а потом на экране.

— Как у тебя это все получается? — спрашивала я. — Ты же великолепный актер!

И в промежутках Миша рассказывал, что это у него от мамы, Марии Семеновны. И вообще, он считал, что вся их деревня Федюки была очень театральная.

— Я вырос, можно сказать, на сцене, — говорил он. — У нас всю жизнь играли «Паўлінку» на фестах на Сёмуху, а потом на 7 Ноября, на 1 Мая... С детства ходил в драмкружок. Мать моя была очень тихая, застенчивая, никого не могла обидеть и была очень одинокой, из-за меня не хотела выходить замуж. Могла бы быть очень талантливой актрисой. Собиралась родня, и она не могла усидеть за столом... Все просили: «Маня, покажи, изобрази того или другого человека...» И она показывала, изображала, органика была фантастическая!

У него самого органика была просто фантастическая, и еще воображение — как внезапное озарение. Он видел какое-то свое кино, взятое из жизни, которая окружала, а может быть, и существовала где-то далеко и высоко за горизонтом, пробовал про это кино рассказывать, что-то такое вырисовывал, придумывал и потом уже под все это искал сценарий... Нередко находил это в белорусской литературе, отсюда и «Возьму твою боль», и «Знак беды», и «Черный замок Ольшанский». Но об этом я напишу несколько ниже, а сейчас о другом, вернее, о нашем совместном сценарии.

Его мы написали где-то за месяц. Я печатала на машинке каждую сцену после того, как мы подробно ее обговаривали. И когда появился весь текст сценария, Миша взял его на прочтение. Несколько дней читал. Что-то правил сам, что-то оставлял на правку для меня. Доработок было немало. Какие-то моменты дописывались, какие-то сокращались.

Когда появился окончательный вариант, Миша позвонил в Бомбей. Нужно было делать перевод сценария на английский язык. Это Миша взял на себя. И я знаю, что перевод был сделан, только вот где он сейчас — неизвестно. Но работа над будущим фильмом притормаживалась. Возникали вопросы финансирования: кино обещало быть затратным. Было непонятно, что и как в Бомбее...

Шел 1998 год. У меня тогда активно и очень вдохновенно начали писаться рассказы. Миша тоже загорелся чем-то другим. И тут в нашем Министерстве культуры ему предложили посмотреть сценарий по известному роману Владимира Богомолова «Момент истины». Это была тема войны. Его тема... И получился блестящий фильм «В августе 44-го...». После него был только один — «Песня Розы»...

И вот через 28 лет я в своем архиве случайно нахожу экземпляр того нашего совместного сценария несостоявшегося фильма «Люби меня, Индия», который считала безнадежно утерянным. Перечитала... Тяжело было вспоминать тот чудесный летний месяц. Потому что и Миши нет уже 23 года, и Лиля — его жена — ушла к нему... И мужа Сергея моего уже

Михаил Пташук и Раиса Боровикова в Музее Янки Купалы. Вечер в честь присуждения Раисе Боровиковой Государственной премии Республики Беларусь имени Янки Купалы. 1995 г.

почти четыре года, как нет. Печально, горько и грустно. А тогда мы дружили — прекрасно и удивительно... По-настоящему, верно и долго. Последние два десятилетия до самой его трагической гибели мы дружили семьями.

Я почему-то всегда считала, что мы познакомились с Мишей в 1970 году. А вот недавно разговорились с его дочерью Ликой, и

я поняла, что это был теплый сентябрь 1967 года, когда я училась в Москве в Литературном институте имени Горького. Возможно, кого-то ждала тогда — стояла на крыльце институтского общежития на Добролюбова, 9/11. Вдруг сзади раздается веселый голос: «Ну, и откуда же такая в белых джинсах? (Хотя на мне тогда были, скорее, брюки, сшитые под джинсы искусной мастерицей в сельском ателье в Белыничском районе. — Р. Б.) Наверное, москвичка?» Оборачиваюсь, вижу высокого широкоплечего парня с копной волос цвета переспелой ржи, солнечную улыбку на лице, и так же весело отвечаю: «Да нет, не москвичка. Из Беларуси». Это и был Миша Пташук. Он после окончания Щукинского училища работал режиссером-постановщиком в цыганском театре «Ромэн», и театр арендовал ему комнату в нашем общежитии. Миша необыкновенно оживился: «И я из Беларуси. Откуда ты родом?» — «Из Брестской области», — отвечаю ему. — «Так и я же из Брестской! Из Ляховичского района! Может, слышала, деревня Федюки там есть?» Это были первые слова нашего такого неожиданного знакомства...

А где-то через неделю он заглянул в мою комнату: «Я приглашаю тебя к себе. Ко мне приехала жена из Астрахани — Лилия. Угостим тебя вкусной домашней едой». Конечно же, я пошла познакомиться с Лилей. Она была очень молодая и очень красивая. Больше в тот год мы с Мишей не виделись. В октябре 1967 года в Москве у меня случилась моя первая в жизни любовь и очень большая... В общежитии Литинститута я появлялась редко. Поэтому снова мы увиделись с Мишей уже зимой в лифте, когда я за чем-то заехала в общежитие. «О-о, землячка! — радостно закричал он. — Ну, наконец-то я тебя встретил. Идем к нам. Ко мне опять Лилия приехала. Поговорим, выпьем чая». Я, конечно же, зашла к ним. Сразу же заметила, что Лилия в интересном положении. В апреле 1968 года у них родилась дочь — Лика. Больше в Москве я с Мишей и Лилей не виделась.

Но вот прошло время... 1974 год. Я — в Минске. Работаю в «ЛіМе». Как-то вечером звонок и очень зычный, громкий, радостный голос в трубке: «Боровикова, привет! Не узнаешь? Миша Пташук! Мы с Лилей в Минске. Меня пригласили работать на «Беларусьфильм»...» Мы говорили долго, и после нашего разговора я вдруг почувствовала: что-то изменилось во

мне, что-то произошло... Как-будто бы вокруг меня закружила, заходила какая-то радость... И эта радость случилась. Через несколько дней мне позвонили из «Мастацкай літаратуры» и сказали, что подписана в печать моя первая книга стихов «Рамонкавы бераг». Что скоро может появиться сигнал! Потом снова позвонил Миша — и у меня опять какая-то радость... Связав все события, я решила, что это просто какая-то мистика! Волшебство! Как только звонит Миша Пташук — через какое-то время у меня радость! Ну, чем не ангел-хранитель — трубач доброй вести?!

Много прекрасных удивительностей есть в долгой дружбе двух женщин, но еще больше — когда начинают дружить мужчина и женщина. Уже после трагического ухода Миши у себя на письменном столе нашла с десяток страниц короткого интервью, которое когда-то спешно, по телефону, брала у него для женского журнала ко Дню матери: «Меня растили две женщины: мать и бабушка — Мария Семеновна и Елизавета Романовна. Они все время плакали, были в безумной работе... Такое ощущение, что я вырос среди слез. Глаза видели только слезы, а уши слышали только плач!..» Возможно, отсюда, с самого начала, в нем было удивительное понимание женского характера, тем более что и потом всегда рядом были две чудесные женщины: жена Лиля и дочь Лика.

В конце уже упомянутого интервью — приписка: народный артист Республики Беларусь, лауреат Государственной премии, заслуженный деятель искусств, лауреат премии Ленинского комсомола, обладатель 14 наград на международных кинофестивалях, член жюри международных кинофестивалей... Дело, конечно же, не в наградах, а в краткости человеческой жизни, когда невольно появляются вопросы: «И как же это?! Когда успел все это сделать?!» Многое успел сделать его талант — глубокий, природный, какой-то стремительно-необузданный. И человеком он был таким же — стремительно-необузданным, с удивительным, очень звучным смехом. Возможно, так на горе Олимп когда-то смеялся могучий Зевс! И вместе с тем... Вместе с тем Миша был иногда таким тихо-трогательным: он умел смущаться и очень-очень волноваться... Помню, где-то в году 1979 звонит взволнованный Миша:

— Боровикова, я нашел... Я знаю, что я теперь буду снимать! Я очень хочу это снять?

— Что снять, Миша? — спрашиваю.

— Я скоро все объясню, — отвечает он. — Все, еду к тебе.

И когда приехал, тут же с порога спросил:

— Ты хорошо знаешь Ивана Шамякина? Мне хочется снять фильм по его повести «Возьму твою боль».

— Ну, так в чем дело, Миша?

Он заволновался:

— А как мне с ним говорить? Это же народный писатель! Классик нашей литературы! Большой мастер! Как мне к нему обратиться? Как начать разговор? Скажи, он примет меня, если я подъеду в Союз писателей прямо сейчас? Я узнавал, он на рабочем месте.

Я стала его успокаивать, дескать, Иван Петрович добрейший человек, очень доступный, он будет только рад, что по его повести хотят снять фильм. Поэтому не надо так волноваться. Скорее езжай! И невольно вспомнила себя. Когда на первом курсе института по совету поэта Миколы Федюковича, который был уже второкурсником, попросила в Союзе писателей СССР у литконсультанта по белорусской литературе (тогда это был, если не подводит память, Михаил Васильевич Горбачев) дать мне на несколько дней командировку в Минск, чтобы познакомиться с городом, зайти в

какие-то редакции, предложить стихи для печати... Наш институт был при Союзе писателей СССР, и иногда студентам такие командировки давали.

И вот я в Минске... Сразу же с вокзала еду в наш писательский Союз, который тогда находился в небольшом двухэтажном домике на улице Энгельса, чтобы отметить командировку. А там еще никого! Даже секретарши не было. Спускаюсь со второго этажа и вижу, что к лестнице подходит Максим Танк. Я узнала его по фотографиям из школьных учебников. Он тогда был председателем Союза. Я вся онемела, вдруг нахлынуло такое волнение! Я же только несколько лет назад с трепетом читала стихи Танка со школьной сцены, и вот он — живой классик передо мной, поднимается по лестнице навстречу. Это было как сон. Я не знала, что мне делать, растерялась безумно... И вместо того, чтобы сказать «Добры дзень!», я просто расплакалась от невероятного волнения... «Што здарылася, дзяўчынка?» — спросил меня Евгений Иванович. И потом все получилось очень хорошо: командировку мою отметили, в гостиницу устроили, сказали, в какую редакцию лучше зайти и к кому там обратиться. А главное — я больше часа говорила с любимым классиком и о поэзии, и о жизни... Он даже напоил меня чаем.

Почти так же случилось и с Мишей. Он был в восторге! Они проговорили с Иваном Петровичем полтора часа. И потом встречались много раз: и когда писался сценарий, и когда Миша подбирал актеров на роли... Когда Миша трагически погиб, Иван Петрович Шамякин написал: «Смерть каждого человека — утрата для общества. Смерть человека, которому Бог дал талант, — национальная трагедия». А когда уходит любимый человек или самый-самый близкий друг?! Это практически горечь утраты на всю жизнь, разбавленная самыми разными воспоминаниями...

Есть у меня одно дорогое воспоминание о Мише. Оно убеждает, что у него был какой-то дар или подсознательное чувство предвидения каких-то событий. Мне казалось, что иногда он их даже устраивал, организовывал эти события. А дело было вот как... Однажды, когда я жила в доме у филармонии, где у меня была одна комната, полученная от Союза писателей, на чашку кофе заскочил Миша. Сидел в кресле, о чем-то думал, потом сказал: «Знаешь, Боровикова, у меня такое чувство, что у тебя скоро многое изменится в жизни. Буквально все изменится!» Он не всегда называл меня по фамилии. Когда знакомил с кем-то, мог сказать: «Знакомьтесь, это мой милый друг — белорусская писательница...» Меня это очень смущало. А однажды оставил автограф, когда на 8 Марта принес в подарок красивый большой альбом «Жывапіс Беларусі XII—XVIII стагоддзяў»: «В день 8-го марта 1981 года моему самому нежному другу Рае Боровиковой от Михаила Пташука». Вот и в тот день, когда он рассказал мне о своем предчувствии, потом как-то очень уж многозначительно добавил: «Да-да, мой милый друг, в нашей жизни все течет и все меняется...»

И, действительно, буквально через несколько недель мне позвонили из Союза писателей, поздравили, сказав, что мне с моим семилетним сыном при очередном распределении дали трехкомнатную квартиру по улице Веры Хоружей, 48. Это был знаменитый дом. Там в разные времена жили известные белорусские писатели: и Владимир Короткевич, и Анатолий Вертинский, и Юрась Свирко. А автор белорусских букварей Анатолий Клышко жил с семьей и в тот день, когда я заселялась. Новость для меня была неслыханная. Я тут же позвонила Мише Пташуку: «Ты знаешь, я получила трехкомнатную квартиру. И что сейчас? Надо делать ремонт, перевозить вещи... Как я управлюсь?!» Миша тогда так восхитился. Сказал, что не всякая женщина может получить трехкомнатную квартиру почти

в самом центре. И помог мне во всем: с ремонтом, с перевозкой книг, посуды, одежды... Тогда он как раз купил свою первую машину — «Жигули» салатного цвета. Даже небольшой холодильник «Саратов» перевез в открытом багажнике. (Кстати, этот холодильник мы потом с мужем отвезли в деревню, в дом к моим родителям, поставили на веранде. И удивительная вещь: он до сих пор работает. Почти 50 лет!) Но дело не в этом. Миша сам затыгивал холодильник на пятый этаж, сам его устанавливал на кухне, но что-то пошло не так: когда включалась морозилка, холодильник начинал жутко тарыхтеть! И через несколько дней ко мне пришел сосед снизу: «Что у вас происходит на кухне? У нас стена начала трескаться от грохота! Срочно вызывайте мастера!» А еще через день он пришел снова: «Ну, если вы никого не вызвали, то можно я приду к вам завтра с другом. Мы вместе работаем в радиотехническом институте. Он — мастер на все руки. Посмотрит ваш холодильник». И они пришли. Друг соседа представился Сергеем. Починил холодильник. На следующий день вывел домашнюю телевизионную антенну на балкон. Потом подтянул краны и починил неработающую розетку. А через два месяца сделал мне предложение выйти за него замуж.

Звоню Мише: «Мне сделали предложение, и, кажется, я приняла его». Миша сразу же: «Да ты что? А вдруг какой-то проходимец? Я должен с ним познакомиться, поговорить... Это же на всю жизнь! Тут нельзя ошибиться». Первые смотрины прошли неудачно. Сергей просто сбежал. А вот вторые закончились тем, что они подружились. С легкой Мишиной руки мы прожили с мужем почти сорок два года, что называется, в мире и согласии. И дружили семьями...

Где-то приходилось читать, что художники, творческие натуры, в общем-то, делятся на два типа: одни ищут славы, успеха, постоянно мучаются из-за этого; к другим же, наоборот, слава и успех льнут сами. Они не прилагают к этому никаких усилий. Миша, безусловно, принадлежал ко второму типу. Но он — работал! Неистово, даже с каким-то азартом. Все остальное его вроде бы и не интересовало. И почти всегда приходил успех! Ничто не оставалось незамеченным, неотмеченным. Награды так или иначе догоняли его. Тут срабатывал единственный принцип. Может, даже закон Вселенной: да воздастся! Таланту, терпению, работе... Он полностью уходил в нее, исчезал, растворялся. Необыкновенно ценил талант в людях и страстно радовался, когда приходилось работать с большими талантами: актерами, кинооператорами...

Странно, но я до мелочей могу вспомнить за эти более чем тридцать лет множество и множество наших встреч, разговоров — в последние пять-десять лет чуть ли не каждую неделю. А вот последний разговор, как ни бьюсь, вспоминается очень смутно. Миша даже не сказал, что они с Лилей едут в Москву, где во многих номинациях фильм «В августе 44-го...» выдвинут на «Нику». Хотя говорили очень долго. Он рассказывал о впечатлениях от Америки, откуда только-только вернулся, о своих новых проектах. Это был уверенный взгляд в какую-то новую даль. А вот... паузы, оттенки голоса, отдельные слова не помнятся. Возможно, именно там пряталось некое его предчувствие. Он был человеком очень тонкой интуиции. И в какой-то момент не уберегся. Последний год был годом его полета. В полете, в движении он и ушел... Уже ушел, а голос на автоответчике в минской квартире звучал и звучал... Течение жизни не отпускало этого удивительного, трогательного, красивого человека Мишу Пташука, народного от корней своих и народного по таланту...

Лица Пташук

«БОРОВИКОВА, ПРИВЕТ!»

Минск, 1970-е. Мой отец ходит по небольшой квартире в микрорайоне Зеленый Луг с телефоном на длинном шнуре в руках и как-то радостно, воодушевленно засыпает вопросами собеседницу на том конце провода: «Боровикова, привет! Какие новости?.. Написала новую книжку?.. Когда выйдет?.. Когда к нам в гости придете с мужем?.. А я запустился, работаю над режиссерским сценарием... Слушай, а приди к моей дочке в школу на встречу, почитай детям свои стихи, расскажи что-то?.. Договорились?.. Когда сможешь?.. Ну, пока, Боровикова! Маруся моя тебе привет передает!»

— Доча! — радостно провозглашает папа. — К вам в школу придет известная белорусская поэтесса Раиса Боровикова, для тебя — тетя Рая...

Я с замиранием сердца ждала, когда откроется дверь в класс и я впервые увижу ту самую тетю Раю, чье имя навсегда войдет в жизнь нашей семьи. Много лет потом я слышала извечное радостное папино: «Боровикова, привет!» И после его ухода тетя Рая осталась со мной и мамой — во встречах, воспоминаниях, стихах. А тогда я, ученица начальных классов, с трепетом ждала встречи в минской школе на краю города... Я помню, как меня поразил ее голос. Мне казалось, что такими голосами говорят ангелы на небесах — столько в интонациях было нежности и тепла, так «мілагучна» по-белорусски звучали обертоны. И, казалось, весь образ белокурой, голубоглазой, необыкновенно красивой тети Раи излучал свет.

Отец называл Раису Боровикову «Мой нежный друг!», и я тогда поняла по-своему — душа поэта обязательно должна быть нежной, восприимчивой, чтобы перевоплощать слова, придавая им иной смысл и особенное звучание, чтобы удивительным образом складывать мысли и чувства, которые способны изменить человека, окрылить его и дать надежду.

Мир искусства вошел в мою жизнь с детства прямо через порог нашего дома вместе со знаменитыми поэтами, художниками, сценаристами, композиторами, писателями, актерами, режиссерами, а точнее — с папиными друзьями и коллегами, которые были частыми гостями. Посиделки с мамиными пирогами затягивались, и я с интересом

слушала диалоги, творческие споры о книгах, фильмах, выставках. Это был особенный, удивительно интересный и свободный мир свободных людей (они были из какой-то своей, параллельной, такой не похожей на ту, что за окном, страны). В этом мире, казалось мне тогда, все были исключительно счастливы, ведь писались стихи, книги, картины, снималось кино.

Не буду сейчас пускаться в перечисление имен тех, с кем работал отец. Можно посмотреть титры его фильмов, прочитать его книгу «Исповедь кинорежиссера», чтобы понять, что все они — легенды, наша грандиозная история. И я счастлива, что благодаря отцу мне довелось увидеть, как создавалась часть этой истории. Помню первые свои открытия того времени: насколько скромны были эти звезды, как тихи и непритязательны в жизни, без райдеров и снобизма. Они служили, именно служили профессии: были одержимы своим делом и трудолюбивы. «Только одержимый человек может заниматься искусством!» — эти слова отца на всю жизнь со мной...

Раиса Боровикова — из плеяды не только друживших, но и работавших с отцом. Ее поэтические книги стояли у папы на ближайшей полке. Протяни руку — и вот он, небольшой сборник с фотографией тети Раи на обложке. Часто, лежа на диване, отец перелистывал ее сборник. Ничего не делать — он называл своим любимым делом. Хотя это только так называлось, на самом деле это был способ работы, размышления: над режиссерскими решениями и сценами — как бы ничего не делая, посматривая куда-то вверх. Иногда он полушутя говорил, что ему оттуда кто-то шепчет, подсказывая, отвечая... И, улыбаясь, спрашивал меня: «А тебе не шепчут?» Так вот, читая сборник стихов Раисы Боровиковой,

иногда он заливался смехом и громко цитировал: «Невзлюбила ваша кошка нашего кота...» А потом он хватал трубку телефона, и я слышала знакомое: «Боровикова, привет!»

Потом, в середине 1990-х, в сложное время безработицы и безденежья, я узнала, что мой отец и тетя Рая пишут сценарий про белорусско-индийскую любовь, планируются съемки в Беларуси и Индии. На дворе девяностые: развал, голод, время жестких перемен для многих людей искусства, которые вынуждены были уходить из профессии, потому что невозможно было прожить на зарплату в 20 долларов. Кинопроекты закрывались один за другим. И вдруг такая фантастическая идея, такая творческая смелость, такой взлет над чернухой, презрение к тяготам бытия — сценарий фильма про белорусско-индийскую любовь. Любовь во время чумы! Жаль, конечно, что этот кинопроект тогда не был осуществлен. Но ведь процесс не менее важен, чем результат! Может быть, в тяжелые времена творческого простоя этот сценарий помог им выстоять, не унывать, творить. Ведь впереди у отца были «В августе 44-го...» и работа в Голливуде... А может быть, энергия двух талантливых людей, написавших этот сценарий, еще ждет своего времени. Может быть, эта история еще воплотится на экране. Пусть бы так случилось!

И еще одно детское воспоминание о папе...

Я утром перед школой выхожу на нашу крохотную кухню, где папа ночью работал над сценарием, и кажется, что она вся засыпана снегом — обрывками, обрезками полос бумаги. На обеденном столе стоит печатная машинка, а рядом, на краю, аккуратной стопочкой лежат склеенные канцелярским клеем листы — готовые части сценария. Вот так рождалось кино... А за окном начинался долгий и счастливый день. Счастливый, потому что у меня есть мои папа и мамочка, у них — замечательные друзья, кино и любовь!

Еще я вспоминаю, что очень расстроилась, потому что на той встрече в школе Раисе Андреевне не подарили цветы... Даже сейчас мне хочется попросить за это прощения.

Уважаемая Раиса Андреевна, дорогая тетя Рая, сердечно благодарю вас за все! За наши встречи, ваши воспоминания и память о моем отце, ваше умение дружить, которому стоит поучиться многим, за свет вашей поэзии! Ваши строки, посвященные отцу, всегда со мной:

...А ён, як быццам так і трэба,
глядзіць суро́ва з-пад рукі,
з сабой узяўшы толькі неба
палесскай вёскі Федзюкі.

Михаил Раиса Пташук Боровикова

ЛЮБИ МЕНЯ, ИНДИЯ

Сценарий

От редактора

Обычно киносценарии «Нёман» не публикует, но тут случай исключительный: архивный эксклюзив — неизвестный сценарий Михаила Пташука, написанный в соавторстве с Раисой Боровиковой. Когда я готовила его к публикации, подумала, что стоит напомнить читателям, которые нечасто сталкиваются с такими текстами, о некоторых жанровых особенностях, чуть-чуть настроить оптику восприятия, чтобы увидеть больше.

Вспоминая Михаила Пташука, мы сразу вспоминаем его знаковые фильмы: «В августе 44-го...», «Знак беды». Сценарий, который вы прочитаете, — абсолютно другая история. Поскольку планировалось совместное производство, авторы воплотили свой замысел в стилистике индийского кино, со многими элементами жанра масала: акцентированная мелодраматичность, музыкальные сцены, идиллические пейзажи. И внимательный читатель не может не отметить, как чувствуют и выдерживают этот жанр Раиса Боровикова и Михаил Пташук.

Еще один момент, который важно обозначить: перед нами текст для кинопроизводства. Я сознательно употребляю такое официальное слово. Потому что этот сценарий впереди ждали бы еще продюсерские, редакторские, режиссерские правки и изменения, необходимые и для воплощения художественной задачи, и для съемочного процесса, и для бюджета фильма, и для успешного проката. Об этом тоже нужно помнить читая. Перед нами промежуточный, рабочий вариант, а не литературный сценарий, готовившийся к публикации в журнале. Это, кстати, в чем-то определяло и мою редакторскую работу. Если бы это был литературный сценарий, я бы подумала о том, чтобы, например, отказаться от такого количества восклицательных знаков и многоточий в репликах героев. Но здесь я решила оставить все так, как написали соавторы, чтобы дать читателям возможность чувствовать особенный интонационный рисунок, который уже обдумывал режиссер. Вообще, отмечу, что и редакторские, и корректорские правки были минимальными. Сценарий печатается полностью, без сокращений, с сохранением вариантов одной из сцен.

И еще, когда вы будете читать, мне бы очень хотелось, чтобы ваше внимание держали не только литературные и производственные моменты, но и чтобы ваше воображение достраивало кадр. Пусть у вас в голове покажут фильм о белорусской девушке Маше и индийском парне Умеше...

Елена Мальчевская

АВТОРЫ НОМЕРА

Гальперович Наум Яковлевич

Родился в 1948 году в городе Полоцке Витебской области. Окончил Витебский педагогический институт. Поэт, прозаик, журналист. С 2002 по 2024 год — главный редактор, заместитель главного директора, главный директор Дирекции зарубежного вещания Белорусского радио (радиостанция «Беларусь»), заместитель директора канала «Культура» Белорусского радио. На счету более десятка книг стихов и прозы, авторские радиопередачи и телевизионные проекты. Награжден медалью Франциска Скорины. Заслуженный гражданин Полоцка и Новополоцка. Заслуженный деятель культуры Республики Беларусь. Лауреат Национальной литературной премии Беларуси. Живет в Минске.

Тамара Краснова-Гусаченко (Гусаченко Тамара Ивановна)

Родилась в 1948 году в деревне Щепятино Брасовского района Брянской области. Окончила филологическое отделение Брянского государственного педагогического института. Поэт, прозаик, публицист, детский писатель. Автор 28 книг и слов гимна города Витебска. Награждена медалью и орденом Франциска Скорины. Лауреат Национальной литературной премии Беларуси, нескольких международных литературных премий. Председатель Витебского отделения ОО «Союз писателей Беларуси». Живет в Витебске.

Полеев Елизавета Давыдовна

Родилась в 1947 году в городе Могилеве. Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета. Поэт, переводчик. Автор нескольких поэтических сборников и книги переводов. Живет в Минске.

Кирпиченко Виталий Яковлевич

Родился в 1936 году в деревне Толстовка Иркутской области (Россия). Окончил Иркутское военное авиационно-техническое училище,

Киевское высшее инженерно-авиационное училище. Прозаик. Автор книг «Волчье место», «Над окошком месяца», «Планета псов и ягнят» и др. Живет в Минске.

Нилов Константин Григорьевич

Родился в 1947 году в деревне Яковлевичи Оршанского района Витебской области. Окончил Могилевский машиностроительный институт. Автор 15 книг поэзии и прозы, 50 текстов песен на музыку И. Лученка, В. Серых, С. Новикова и др. Лауреат Республиканской литературной премии «Золотой купидон» и др. Живет в городе Орша Витебской области.

Михась Слива (Ковалев Михаил Митрофанович)

Родился в 1950 году в деревне Каменка Рогачевского района Гомельской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Автор сборников прозы, поэзии, сатиры и юмора, критики, книг для детей. Живет в городе Рогачеве Гомельской области.

Боровикова Раиса Андреевна

Родилась в 1947 году в деревне Пешки Березовского района Брестской области. Окончила Литературный институт имени А. М. Горького. Поэтесса, прозаик, драматург, переводчик. Автор многочисленных сборников поэзии, прозы, книг для детей. Лауреат литературной премии Союза писателей БССР имени Аркадия Кулешова и государственной премии Республики Беларусь имени Янки Купалы. Живет в Минске.

Пташук Михаил Николаевич

(1943—2002).

Кинорежиссер, сценарист, продюсер. Окончил режиссерский факультет Театрального училища имени Б. В. Шукина, Высшие курсы сценаристов и режиссеров. Лауреат Государственной премии БССР. Народный артист Беларуси. Снял фильмы: «Возьму твою боль», «Черный замок Ольшанский», «Знак беды», «В августе 44-го...» и др.

Адрес редакции
Юридический адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: mail@mastlit.by

Почтовый адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: neman@mastlit.by
Телефон: 270-84-65

Подписные индексы:
74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
№ 11 от 19.07.2021,
выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель
Издательское республиканское унитарное предприятие
«Мастацкая літаратура»

Технический редактор, компьютерная верстка, дизайн: *Н. А. Артёмова*
Стильредактор: *О. В. Криводубская*

Подписано в печать 12.01.2026. Формат 70×108 $\frac{1}{16}$. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,60. Уч.-изд. л. 8,12. Тираж 530. Заказ

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/б1, 220123, Минск.

К сведению авторов
Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

© Министерство информации Республики Беларусь, 2026
© ОО «Союз писателей Беларуси», 2026
© УП «Мастацкая літаратура», 2026